

Время, 1861. №5

Стихотворенія А. С. Хомякова. Москва
1861 in 8°, 146 стр.

I

Критикъ «Русскаго Вѣстника», г. Лонгиновъ, разбирая вышедшее собраніе стихотвореній покойнаго А. С. Хомякова, въ заключеніе своего разбора, бросаетъ перчатку критикъ прежнихъ лѣтъ, неоцѣнившей по достоинству поэта и вызываетъ критику современную сказать теперь, по выходѣ въ свѣтъ болѣе полнаго чѣмъ прежнія изданія, настоящее правдивое слово о поэтической дѣятельности главы славянофильства.

Подъ критикою прежнихъ лѣтъ разумѣется конечно Бѣлинскій.

Г. Погодинъ въ статьѣ своей: «Нѣсколько словъ противъ статьи о юбилеѣ князя Вяземскаго» («Сѣв. Пч.» № 81), одной изъ тѣхъ несчастныхъ статей своихъ, которыя раздражительностью и безтактностью

приводятъ въ отчаяніе самыхъ жаркихъ его поборниковъ, статей, въ которыхъ нѣсколько словъ правды исчезаютъ въ разлитомъ морѣ жолчи, въ изверженіи, отсталыхъ антипатій и домашнихъ дразговъ, между прочими обвиненіями, дѣлаемыми косвенно Бѣлинскому и прямо его послѣдователямъ, говоритъ:

«Такъ точно эти *несчастные* (послѣдователи Бѣлинскаго) *ругали* и *ругаютъ* Хомякова *по указу данному Бѣлинскимъ*, которому были противны тѣ или другія убѣжденія Хомякова. Но вотъ теперь вышли стихотворенія Хомякова. И новые приверженцы и старые противники могутъ читать ихъ сполна, *не прибѣгая къ Христомати г. Галахова*. Извольте сказать ваше мнѣніе и потомъ сравните, что говорилъ о Хомяковѣ Бѣлинскій».

«Точно такимъ же образомъ ругалъ онъ Языкова, *Глинку*» и проч...

Г. Лонгиновъ писалъ свою статью, исполняя двѣ свои равно официальные

обязанности: обязанность секретаря Общества, которое хотя и назвало себя нѣсколько по новому: обществомъ любителей *Русской* Словесности, но все-таки не можетъ перестать быть обществомъ любителей *Россійской* Словесности, и обязанность присяжнаго критика-хвалителя «Русскаго Вѣстника», съ высшихъ точекъ зрѣнія котораго русская литература стоитъ только всегда или словъ назидательныхъ или mention honorable.

Г. Погодинъ писалъ свою статью въ гораздо большемъ азартѣ, нежели тотъ азартъ, которымъ онъ попрекаетъ покойнаго Бѣлинскаго. Азартъ Бѣлинскаго — азартъ во время борьбы за мнѣнія, совершенно понятенъ. Азартъ Погодина — азартъ заднимъ числомъ, только вредитъ той правдѣ, которую хотѣлъ онъ высказать. Въ немъ слышится только застарѣлая, упорная и тѣмъ не менѣе отсталая борьба съ Бѣлинскимъ и его мнѣніями, а въ сопоставленіи съ именами Языкова и Хомякова имени Глинки (Ө. Н.), видна замѣчательная безтактность,

послѣ которой такъ и ждемъ, что посыплутся еще имена другихъ непризнанныхъ критикой Бѣлинскаго поэтовъ: М. Дмитріева, Шатрова, Милкѣва и проч. и проч. Удивительный человѣкъ г. Погодинъ. Передовой публицистъ, почтенный изслѣдователь, глава направленія, которое не смотря на имена г. М. Дмитріева и иныхъ, несмотря на повѣсти гг. Кульжинскаго, Архипова и пр. появлявшіяся временами въ «Москвитянинѣ» пятидесятихъ годовъ и вредившія безконечно дѣлу, было однако направленіемъ новымъ и свѣжимъ, онъ постоянно портитъ лѣвою рукою то, что созидаетъ правою...

Но не въ г. Погодинѣ и не въ его антипатіяхъ дѣло. Дѣло въ настоящую минуту въ стихотвореніяхъ Хомякова, о которыхъ Москва вызываетъ Петербургъ на новый отзывъ съ косвенными и прямыми укорами за прежніе отзывы.

Но *во-первыхъ*, Москва ли точно вызываетъ такимъ образомъ и *во-вторыхъ*, такимъ ли образомъ вызываютъ на правду?

Ни общество любителей *Россійской* Словесности, хоть мы ему и очень благодарны за его новыя полезныя изданія, ни «Русскій Вѣстникъ», хоть мы вполнѣ признаемъ его большія заслуги въ дѣлѣ развитія нашего общественнаго сознанія, ни наконецъ г. Погодинъ, хоть мы и готовы видѣть въ немъ передового дѣятеля, не смотря на его странныя увлеченія старыми враждами и старыми привязанностями, все это еще для насъ однако не Москва. Бѣлинскій вѣдь былъ тоже голосъ Москвы, только голосъ этотъ раздавался въ Петербургѣ. Даже въ эпоху развитія своего отрицательнаго взгляда, въ 1840 году, лирически припоминая свои впечатлѣнія отъ игры Мочалова, говоритъ онъ: (Т. IV стр. 176.)

«Все это видѣлъ я на сценѣ *того великаго города, въ недрахъ котораго бьется пульсъ русской жизни,* гдѣ люди живутъ для жизни и, если пробудившись отъ дремоты повседневнаго быта, предаются наслажденію, то предаются ему широко и

вольно, со всею полнотою самозабвенія, на сценѣ *того маститаго, царственнаго города, гдѣ все великое находитъ свой отзывъ въ душахъ, и гдѣ самая толпа полна тишественной думы, какъ лѣсъ или море.*»

Съ другой стороны, *такъ* ли вызываютъ на правду, когда хотятъ добиться правды, а не тѣшиться праздными и устарѣлыми перекурами?.. На такого рода вызовъ и отвѣтъ будетъ безъ сомнѣнія старый, со стороны старыхъ противниковъ, а со стороны новой жизни даже и не будетъ отвѣта, потомучто вызовъ, судя по тому, сдѣланъ не ей, а старымъ противникамъ.

«Современникъ» первый въ лицѣ Новаго поэта поднялъ со всей своей искренностью перчатку, брошенную за стихотворенія Хомякова. Онъ повторилъ мнѣніе Бѣлинскаго, т. е. эстетическую сущность этого мнѣнія, повторилъ цѣликомъ, не отдѣливши зерна отъ шелухи и былъ вполне въ своемъ правѣ. Въ вызовѣ, точно такъ же зерно не отдѣлено отъ старой шелухи

домашнихъ дразговъ, и журналъ, однимъ изъ основателей котораго былъ Бѣлинскій, не можетъ отрѣшиться отъ своей исторіи, да и не долженъ, потомучто эта исторія во всякомъ случаѣ, почтенная исторія, честная исторія.

Для насъ, т. е. для нашего журнала, исторія есть чисто уже исторія, т. е. прошедшее. Мы равно связаны и съ преданіями, составляющими основу «Современника», т. е. съ взглядами Бѣлинскаго, и съ преданіями московскихъ направленій. Тѣ и другія преданія въ существенно важныхъ сторонахъ ихъ намъ равно дороги. Это безпристрастіе вовсе не холодное равнодушіе съ нашей стороны и вмѣстѣ съ тѣмъ не заслуга наша. Оно законное наслѣдство. Для насъ нѣтъ уже ни славянофильства, ни западничества, нѣтъ даже Москвы и Петербурга въ этомъ смыслѣ. Мы стало быть вправѣ разсмотрѣть дѣло спокойно.

II

Вотъ что говоритъ Бѣлинскій о Хомяковѣ:
Въ 1840 году, разбирая стихотворенія Лермонтова, онъ задѣваетъ Хомякова и его поэтическую дѣятельность, а главнымъ образомъ неумѣренныхъ поклонниковъ Хомякова, слѣдующими, дѣйствительно оскорбительными словами:

«Какъ бы то ни было, но и въ толпѣ есть люди которые носятся надъ нею, они поймутъ насъ. Они отличать Лермонтова отъ какого-нибудь фразера, который занимается стукотнею звучныхъ словъ и *богатырь* риѣмъ, который вздумаетъ почитать себя представителемъ національнаго духа потому только, что кричить о славѣ Россіи (нисколько не нуждающейся въ этомъ) и вандальски смѣется надъ издыхающею будто бы Европою, дѣлая изъ героевъ ея исторіи что-то похожее на нѣмецкихъ студентовъ.» (Соч. Бѣл. Т. IV, стр. 329).

Прямо же говоритъ онъ о стихотвореніяхъ Хомякова въ 1845 году, въ статьѣ: «Русская

литература въ 1844 году» разбирая ихъ вмѣстѣ съ стихотвореніями Языкова. Минуя разборъ Языкова, разборъ въ высшей степени жолчный и несправедливый, мы должны по необходимости для разьясненія дѣла о Хомяковѣ какъ поэтѣ и объ отношеніяхъ къ нему критики, прибѣгнуть къ большимъ выпискамъ:

«Муза г. Хомякова, — говоритъ Бѣлинскій (Соч. Бѣл. Т. IX, стр. 271), состоитъ въ близкомъ сходствѣ съ музою г. Языкова. Сперва о различіи: въ стихотвореніяхъ г. Языкова (прежнихъ) нельзя отрицать поэтической струи, которая болѣе или менѣе сквозитъ черезъ ихъ риторизмъ; въ стихотвореніяхъ г. Хомякова есть не только струя, но полный и блестящій талантъ, *только отнюдь не поэтической, а какой, мы скоро это скажемъ*. Теперь о сродствѣ: мы показали выше, что шумливая, пѣнистая и кипучая, хотя въ то же время и холодная струя поэзіи г. Языкова была не изъ сердца, источника страстной природы, а изъ

головы, которая у людей еще чаще бываетъ источникомъ прихотей празднаго и фантазирующаго разсудка, нежели источникомъ разума, глубоко и вѣрно постигающаго дѣйствительность. Мы показали, что народность поэзіи г. Языкова, непросыпный хмѣль и пьяное буйство его музыки, равно какъ и ея стремленіе быть вакханкою, все это болѣе или менѣе искусственно и поддѣльно. *Въ этой искусственности и поддѣльности г. Хомяковъ далеко опередилъ г. Языкова. Имѣя способность изобрѣтать и придумывать звучные стихи, онъ рѣшился ее употребить въ пользу себя, приобрести ею себя славу не только поэта, но и прорицателя, который проникъ въ дѣйствительность настоящаго и постигъ тайну будущаго и который гадаетъ на своихъ стихахъ не о судьбѣ частныхъ личностей (какъ это дѣлаютъ ворожеи на картахъ), но о судьбѣ царствъ и народовъ.»*

За тѣмъ, посмѣявшись надъ «Ермакомъ» покойнаго Хомякова, и опять задѣвши удалое и пьяное буйство поэзіи Языкова, критикъ продолжаетъ:

«Г. Хомяковъ, какъ болѣе свободный отъ всякаго внутренняго, непосредственнаго стремленія версификаторъ, *выбралъ для своихъ стихотворскихъ занятій предметы гораздо выше.* Пушкинъ, на примѣръ, не выбиралъ, потому что поэтъ по призванію, поэтъ великій, лишонъ не только права, даже возможности выбирать предметы для своихъ пѣснопѣній и давать своимъ твореніямъ произвольное направленіе: источникъ его вдохновенія есть его собственная натура, а его натура есть цѣлый, въ самомъ себѣ замкнутый міръ, который рвется наружу; задача поэта, вывести наружу, объективировать въ поэтическихъ образахъ свой собственный, внутренній міръ, сущность своего собственнаго духа. *Г. Хомякову нельзя было не выбирать, онъ не былъ поэтомъ и ему было все равно, чтобы ни пѣть. Онъ*

не долго думалъ, и рѣшился посвятить свои посильные труды на гимны старой до-Петровской Руси. Намѣреніе похвальное, хотя и лишонное всякаго художественнаго такта, потомучто живое, современное всегда ближе къ сердцу поэта. Чтѣбъ довершить ошибку направленія, г. Хомяковъ рѣшился въ современной Россіи видѣть старую Русь. Не дивитесь, читатели: для г. Хомякова это было гораздо легче, нежели для насъ съ вами; люди простые, мы всѣ вещи или видимъ такъ, какъ онѣ суть, или если не можемъ увидѣть ихъ въ настоящемъ свѣтѣ, не считаемъ нужнымъ представлять ихъ въ ложномъ. Кто одаренъ способностью глубокаго, страстнаго убѣжденія, кто алчетъ и жаждетъ истины, тотъ можетъ заблуждаться; но ему — когда онъ сознаетъ свою ошибку, есть оправданіе въ ней: это страданіе всего его существа, потомучто онъ убѣждается всѣмъ своимъ существомъ, и умомъ и сердцемъ и плотію и кровію. Кто же напротивъ одаренъ счастливою способностью свободнаго выбора во всемъ,

тому легко убѣждаться въ чемъ ему угодно и на столько времени, на сколько ему заблагоразсудится, на годъ, на два, или на цѣлую жизнь, потому что вѣдь это прихоть или расчетъ ума, а не убѣжденіе, спокойное дѣйствіе головы, а не страстное сотрясеніе всей органической системы.»

Этою возможностью *выбирать* Бѣлинскій объясняетъ всю поэтическую дѣятельность Хомякова, которую онъ рассматриваетъ и какъ драматическую и какъ лирическую. Говоря о драматической дѣятельности Хомякова, критикъ совершенно справедливо глумится надъ шиллеризмомъ «Ермака», выписывая чувствительный романсъ Ольги, и къ сожалѣнію, припоминая другую драматическую попытку автора «Димитрія Самозванца» не видитъ за шумихой ложнаго лиризма, ея блестящихъ, если не художественныхъ, то замѣчательно умныхъ сторонъ, не цѣнитъ новости и вѣрности ея поэтически-исторической концепціи.

«Защитники г. Хомякова, продолжаетъ онъ затѣмъ, — говорятъ, что драма не его призваніе, что онъ лирикъ. Изъ романа Ольги можно видѣть характеръ лиризма г. Хомякова. *Прежде чѣмъ быть лирикомъ, надо быть поэтом.* Лиризмъ еще больше, нежели всякій другой родъ поэзіи, основывается на непосредственности теплаго сердечнаго чувства и не терпитъ холодныхъ головныхъ чувствъ, которыя выдаются за мысли, но которыя въ сущности такъ же относятся къ мыслямъ, какъ умъ къ умничанью, чувство къ сантиментальности, щеголеватость къ изяществу.»

И выписавши стихотвореніе: «Къ иностранкѣ» критикъ замѣчаетъ:

«Не будемъ говорить о томъ, что въ этомъ стихотвореніи нѣтъ ни одного поэтическаго выраженія, ни одного поэтическаго оборота, которые встрѣчаются даже въ стихотвореніяхъ Бенедиктова,

риторизмъ которыхъ не чуждъ какой-то поэтической струйки, не будемъ доказывать, что все это стихотвореніе, — наборъ модныхъ словъ и модныхъ фразъ, *въ которыхъ прозаическая нищета чувства и мысли такъ и бросаются въ глаза.* вмѣсто этого, лучше разберемъ то будто бы чувство, ту будто бы мысль, которыя положены въ основу этой пьесы и обнаружимъ всю ихъ ложность, неестественность и поддѣльность. Поэтъ смотритъ на прекрасную женщину и задаетъ себѣ вопросъ: любить ему или нѣтъ? Видите ли, какъ влюбляются поэты. Совсѣмъ не такъ какъ простые смертные, не такъ какъ всякое существо, называющееся человѣкомъ: человѣкъ влюбляется просто, безъ вопросовъ, даже прежде, нежели пойметъ и сознаетъ что онъ влюбился. У человѣка это чувство зависитъ не отъ головы, у него оно естественное, непосредственное стремленіе сердца къ сердцу. Но нашъ поэтъ думаетъ объ этомъ иначе. Задавъ себѣ глубокомысленный вопросъ: любить или

нѣтъ? онъ не почель за нужное даже погадать хоть на пальцахъ, и отвечаетъ рѣшительно: нѣтъ! Бѣдная женщина, бѣдная иностранка!.. Какого сердца, какого сокровища любви лишилась она! О! если бы она поняла это!.. Намъ какъ-то скучно и совѣстно разсуждать о такихъ незамысловатыхъ вещахъ; но быть такъ, начавъ надо кончить, тѣмъ болѣе, что это для многихъ поэтовъ и не поэтовъ можетъ быть полезно. Мы понимаемъ, что человѣкъ можетъ любить женщину и въ тоже время не хотѣть любить ее; но въ такомъ случаѣ, мы хотимъ видѣть въ немъ живое страданіе отъ этой борьбы разсудка съ чувствомъ, головы съ сердцемъ: только тогда его положеніе можетъ быть предметомъ поэтическаго воспроизведенія, а иначе оно — *прихоть головы, ложь, годная только для сатиры, для эпиграммы*; посмотрите же, какъ разсудителенъ, какъ благоразуменъ, какъ спокоенъ нашъ поэтъ, *доказавъ себѣ силлогизмомъ, что ему не слѣдуетъ любить иностранку, которая зываетъ,*

слушая его родныя пѣсни и патриотическія восклицанія по той простой причинѣ, что не понимаетъ ихъ, онъ такъ доволенъ собою, что въ состояніи сейчасъ же сѣсть за столъ и начать завтракать или обѣдать. Гдѣ же тутъ истина чувства, истина поэзіи? Тутъ нѣтъ ничего похожего на чувство и поэзію. И таковы—то всѣ лирическія стихотворенія г. Хомякова! У этого поэта родникъ вдохновенія бьется не въ сердцѣ, также какъ у Самсона сила была не въ мышцахъ, а въ волосахъ, но Самсонъ показывалъ опыты сверхъ человеческой силы, гдѣ же опыты нашего поэта? А вотъ поищемъ.»

Пропускаемъ двѣ страницы ѣдкихъ, хотя и имѣющихъ свою эстетическую справедливость придинокъ критика къ фигурному языку поэта, къ выраженіямъ въ родѣ «клинка стального, въ обдѣлкѣ древности простой» — или: «сна лѣниваго забвенья къ мысли о ловлѣ вдохновенія» и т. д. Дѣло очевидно, что критикъ пожалуй

и правъ — но, что онъ постоянно сердить и потому самому уже не правъ.

«Не поэтъ тотъ, — говорить критикъ — кто лишонъ всякаго такта дѣйствительности, всякаго инстинкта истины; не поэтъ онъ, а искусникъ, который умѣетъ плясать съ завязанными глазами между яйцами, не разбивъ ихъ... Такой поэтъ похожъ на *тѣхъ жонглёровъ діалектиковъ, которымъ все равно, о чемъ бы и какъ бы ни спорить, лишь бы только оспорить противника; которые доказавъ одному, что дважды—два — четыре, съ тѣмъ же жаромъ доказываютъ другому, что дважды два — пять, и для которыхъ важнейшій результатъ спора есть не истина, а суетное, мелочное удовольствіе, переспорить другого и остаться побѣдителемъ, хотя бы то было на счетъ здраваго смысла и добросовѣстности.*»

Обращаемъ особенное вниманіе читателей на этотъ косвенный ударъ, направленный въ

Хомякова, какъ въ діалектика. Такимъ именно, въ пылу и ожесточеніи битвъ, западники дѣйствительно изображали другимъ — и даже представляли добросовѣстно самимъ себѣ могучаго оратора — діалектика, какимъ былъ Хомяковъ.

«Но мы нѣсколько отдалились отъ нашего предмета — замѣчаетъ самъ критикъ — отъ стихотвореній г. Хомякова; возвратимся къ нимъ. *Пока мы не нашли никакихъ признаковъ поэзіи въ простыхъ лирическихъ его стихотвореніяхъ:* можетъ быть, поэзія скрывается въ его прорицательныхъ лирическихъ пьесахъ? А вотъ посмотримъ. Въ стихотвореніи *къ Россіи*, г. Хомяковъ даетъ своему отечеству истинно отеческія наставленія: онъ запрещаетъ ему чувство гордости и рекомендуетъ смиреніе. Онъ говоритъ Россіи:

Грознѣй тебя былъ Римъ
великій,

*Царь семихолмнаго хребта
Желзныхъ силъ и воли
дикой,
Осуществленная мечта.
И нестерпимъ былъ огонь
булати
Въ рукахъ алтайскихъ
дикарей.*

*«Какіе великолпные, энергическіе и поэтическіе стихи! Самъ Пушкинъ никогда не писывалъ такихъ чудно-прекрасныхъ стиховъ. Мы очарованы и увлечены ими; однакожь не до такой степени, чтобъ не могли освѣдомиться скромно о томъ, что скрывается въ этихъ дивныхъ стихахъ. И потому беремъ на себя смѣлость спросить кого бы то ни было — самаго поэта или нашихъ читателей: что такое *царь семихолмнаго хребта*» и т. д.*

Опять идутъ грамматическія придирки — хотя и справедливыя большею частью съ точки зрѣнія того эстетическаго пуризма простоты, въ которомъ подъ вліяніемъ

яснаго и простаго Пушкина, воспиталось критическое чутье Бѣлинскаго... Но въ справедливости придинокъ слышна злоба. «И такъ, вотъ они — эти великолѣпные, энергическіе и поэтическіе стихи: sic transit gloria mundi» — восклицаетъ критикъ. Затѣмъ, выписавши нѣсколько стиховъ изъ стихотворенія къ Англіи, которую поэтъ, изумляясь ея величію, упрекаетъ

за то что ты лукава,
И за то, что ты горда,
Что тебѣ мірская слава
Выше Божьяго суда,
И за то, что церковь Божью
Святотатственной рукой,
Приковала ты къ подножью
Власти суетной земной.

Бѣлинскій *намыренно* не хочетъ понять Хомякова.

«Что это такое? говоритъ онъ — *іереміада по папской власти никогда повелѣвавшей царями и народами?* Да развѣ въ одной

только Англіи служители церкви введены въ истинные предѣлы ихъ обязанностей, высокихъ, священныхъ, но уже потому самому не тщетныхъ, земныхъ? *Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, европейскими народами править вездѣ святая власть и т. д.»*

Какъ будто бы Хомяковъ мечталъ о осократіи?!

Тоже намѣренное, раздражонное непониманіе обнаруживаетъ великій критикъ въ отношеніи къ стихотворенію «Мечта».

«Въ стихотвореніи *Мечта*, нашъ поэтъ оплакиваетъ *близкую гибель* запада, гдѣ *кометы бурныхъ стѣжъ бродили въ высоту*. При сей вѣрной оказіи, онъ *почелъ даже нужнымъ похвалить покойника*, въ которомъ много—де было хорошаго».

Какъ будто бы Хомяковъ не понималъ запада — какъ будто бы самое это стихотвореніе не проникнуто все, высокимъ

пониманіемъ запада и его чудесь, его «святыхъ чудесь» какъ называетъ ихъ самъ поэтъ!

«Г. Хомяковъ — высказывается наконецъ Бѣлинскій, какъ истый западникъ и централизаторъ, — очень хорошо сдѣлалъ, *что догадался потолкать въ бокъ этого лежня, востокъ, который безъ трескучей стукоти его удивительныхъ стиховъ, впрямю и не подумалъ бы даже попянуться или звнуть во снѣ, не только что проснуться.* Такова ужъ восточная натура, ей хоть весь свѣтъ провались, все спить: къ восточному челоуѣку, очень идутъ эти слова Тредьяковскаго:

Аще міръ сокрушень
распадется

Сей мужъ николи жъ
содрогнется.

«Все это хорошо, но вотъ вопросъ: что разумѣетъ г. Хомяковъ под востокѡмъ.

По крайней мѣрѣ, что касается до насъ, мы такъ горды чувствомъ нашего національнаго достоинства, *что подѣ востокомъ не можемъ разумѣть Россію. Вѣдѣ западѣ — Европа, а востокѣ — Азія?* Россія же принадлежитъ къ Европѣ по своему географическому положенію,» и т. д.

Между тѣмъ, тутъ же въ самой статьѣ — за прямыми и косвенными выходками противъ направленія, къ которому принадлежалъ Хомяковъ — слѣдуетъ страница, которая поясняетъ нѣкоторымъ образомъ эти выходки — страница, которая можетъ показать современнымъ читателямъ, что и противники Бѣлинскаго были вовсе не агнцы.

«Намъ можетъ быть замѣтятъ — пишетъ критикъ — что мы противорѣчимъ сами себѣ, увѣряя, будто г. Хомяковъ не поэтъ и въ тоже время говоря о его произведеніяхъ какъ о чемъ-то важномъ. *Мы пишемъ не для себя а для публики:* въ ней могутъ найдтись люди, которые, пожалуй,

повѣрятъ возгласамъ одного журнала, увѣряющаго, что г. Хомяковъ — великій и національный русскій поэтъ. Отечественныя Записки, въ прошломъ году, при выходѣ стихотвореній гг. Языкова и Хомякова, говорили о нихъ не только съ умѣренностью, но и съ снисходительностью. Чтожъ вышло изъ этого? Журналъ, въ которомъ исключительно печатають стихотворенія обоихъ этихъ поэтовъ, умалчивая о г. Языковѣ, по поводу стихотвореній г. Хомякова объявилъ, что этотъ поэтъ великъ, а Отечественныя Записки никуда не годятся, потомучто не признають его великости. Затѣмъ онъ перепечаталъ почти всю книжку стихотвореній г. Хомякова и сочтя это за неопровержимое доказательство ихъ высокаго достоинства, заключаетъ такъ: *Не правда ли, читатели, что надо быть слишкомъ наглу, слишкомъ дерзку, чтобъ ругать такія стихотворенія. И какія несчастныя бредни выставляютъ публикѣ на*

*поклоненіе Иностранная Записки, вмѣсто
Хомяковыхъ и Языковыхъ.»*

Замѣтимъ между прочимъ, что *бредни*, которыя выставлялись на поклоненіе тогдашними «Отечественными Записками» — были Лермонтовъ и Кольцовъ, что тамъ, хотя нисколько не выставляемая на поклоненіе, печатались стихотворенія Огарева, который какъ поэтъ лирикъ, поэтъ съ особымъ внутреннимъ міромъ, съ особымъ строемъ лиры, — не смотря на свое однообразіе, — эстетически и психически несравненно цѣннѣе даже и для насъ и Языкова и Хомякова, и стоитъ въ одной категоріи и наравнѣ съ Тютчевымъ, Фетомъ, Полонскимъ; ибо такъ же какъ они онъ поэтъ внутренняго міра и души и поэтъ по произвольному внутреннему призванію, поэтъ сердечный, а не головной.

Нечего пояснять кажется, что журналъ, вооружавшійся тогда за Хомякова такимъ образомъ былъ — «Москвитянинъ.»

«Не знаемъ — заключаетъ Бѣлинскій свой разборъ — согласились ли съ этимъ журналомъ его читатели; не считаемъ важнымъ сужденіе его о нашемъ журналѣ и нашихъ мнѣніяхъ, равно какъ и обо всемъ, о чемъ онъ судить; но не можемъ не выставить на видъ, что если существуетъ журналъ, который до того убѣжденъ въ великости и національности г. Хомякова, какъ поэта, что печатно называетъ *дерзкими и наглыми ругателями и иностранцами* всѣхъ, кто не согласенъ съ нимъ во мнѣніи о г. Хомяковѣ, стало быть существуютъ и люди, которые думаютъ и чувствуютъ точно также, какъ этотъ журналъ: вотъ для этихъ—то людей (а совсѣмъ не для этого журнала) и пишемъ мы. Поэтъ съ поддѣльнымъ дарованіемъ, но никѣмъ не замѣчаемый, никакимъ печатнымъ крикуномъ не провозглашаемый, не опасенъ въ отношеніи къ порчѣ общественнаго вкуса: о немъ можно, при случаѣ, отозваться съ легкою улыбкою — и все тутъ. *Но поэтъ съ дарованіемъ слагать громкія слова во фразистыя стопы,*

*поэтъ, который замѣняетъ вкусъ, жаръ
чувства и основательность идей
завлекательными для неопытныхъ людей
софизмами ума и чувства и между тѣмъ,
имѣеть усердныхъ глашатаевъ своей
великости — воля ваша, надо
предположить въ критику рыбью кровь,
если она можетъ оставаться равнодушною
къ такому явленію и со всею энергіею не
обнаружить истины.»*

И наконецъ, какъ бы самъ чувствуя,
сколько злобы и жолчи пошло въ разборъ,
Бѣлинскій добавляетъ:

«Можетъ быть намъ еще замѣтятъ, что
способъ нашего анализа, состоящій въ
разборѣ фразъ, мелочень. Дѣло не въ
способѣ, а въ его результатахъ; да кромѣ
того, это единственный и превосходный
способъ для сужденія даже и не о такихъ
поэтахъ, каковы Марлинскій, гг. Языковъ,
Хомяковъ, Бенедиктовъ и другіе въ томъ
же родѣ. Многія фразы съ перваго раза
кажутся блестящими, поэтическими и

заключаючими въ себѣ глубокія идеи; но если вы не поторопитесь, отдавшись первому впечатлѣнію, произнести о нихъ сужденіе, и хладнокровно спросите себя: что значить вотъ это, что хотѣль сказать поэтъ вотъ этимъ? то съ удивленіемъ увидите, что это сначала такъ поразившее васъ стихотвореніе — просто наборъ пустыхъ словъ...»

Въ разборѣ Бѣлинскаго явнымъ образомъ нужно различить два элемента — элементъ эстетическій и элементъ вражды къ направленію, котораго Хомяковъ былъ главнымъ представителемъ. Что касается до послѣдняго элемента — то мы уже въ нѣсколькихъ статьяхъ говорили и о значеніи отрицательнаго взгляда Бѣлинскаго и о причинахъ его вражды къ тогдашнему славянофильству. Все дѣло было во взаимномъ непониманіи. Славянофильство тогдашнее за вражду тоже платило враждою — и кромѣ того еще къ этому тогдашнему славянофильству примѣшивалось множество старыхъ и

запоздалыхъ стремленій, близкихъ къ стремленіямъ «Маяка» — и считавшихъ возрѣнія Фамусова за народныя возрѣнія.

Что же касается до эстетическаго элемента во взглядѣ Бѣлинскаго на Хомякова — то господа, дѣлающіе въ наше время вызовъ этому взгляду — должны бы были сдѣлать этотъ вызовъ поосторожнѣе.

Бѣлинскій весьма рѣдко ошибался въ эстетическомъ отношеніи. Единственное что можно сказать противъ его эстетическихъ приговоровъ — это то, что онъ, увлекаемый своей искренней страстностью, иногда, позволяемъ себѣ выразиться вульгарно, но вѣрно — «пересаливалъ» въ похвалахъ или порицаніяхъ.

Въ особенности былъ онъ великій мастеръ иногда отличать все головное, какъ бы оно блестяще ни было, отъ сердечнаго, внутренняго...

Мы глубоко чтимъ память покойнаго Хомякова, какъ одного изъ самыхъ блестящихъ, благороднѣйшихъ и даровитѣйшихъ представителей нашего

нравственнаго и общественнаго сознанія — но въ вѣрности существенныхъ чертъ взгляда Бѣлинскаго на его поэтическую дѣятельность — насъ нисколько не разубѣдили нынѣ вышедшія стихотворенія Хомякова.

Сущность эстетическаго взгляда Бѣлинскаго на поэзію Хомякова въ томъ, что Хомяковъ — поэтъ головной. Что же? Вѣдь это и въ самомъ дѣлѣ такъ. Поэзія была одно изъ орудій этой богатой, самобытно и даже нѣсколько капризно-самобытно развившейся природы.

Поэтъ истинный — будь онъ хоть до тла проникнуть извѣстнымъ философскимъ созерцаніемъ — какъ на примѣръ Тютчевъ — создаетъ вокругъ себя свой цѣлый, особый, неотразимо влекущій міръ: осязательно-реальное бытіе примутъ у него самыя отвлеченныя созерцанія, о чемъ бы ни заговорилъ онъ, о томъ ли даже что

Не въ первый разъ кричитъ
пѣтухъ,

Кричить онъ бодро, живо,
смѣло;

Ужь мѣсяць на небѣ потухъ
Струя въ Босфорѣ заалѣла,

о томъ ли, что

Не плоть а духъ растлился въ
наши дни

или о странѣ, которую

самъ царь небесный
Исходилъ благословляя,

вы чувствуете, что тутъ не мысль, не голова
творили, что это пѣсня. Поэтъ истинный,
чѣмъ онъ ни увлекись, хоть бы даже
анализомъ общественныхъ бѣдствій, какъ
Некрасовъ, какъ ни создавай онъ себѣ
нарочно темъ для своей пѣсни, онъ васъ
затянетъ въ свой магическій кругъ, вы
войдете съ нимъ въ его міръ, будете дышать
даже душнымъ воздухомъ этого міра...

Мы взяли нарочно двѣ грани поэзіи, двѣ такъ сказать крайности ея — поэта, совершенно отвлеченнаго отъ современности, поэта свободнаго до равнодушія какъ Тютчевъ, и другого поэта, который отдаетъ свое могучее дарованіе въ крѣпостное рабство современности, и странное дѣло! равнодушный, свободный Тютчевъ въ поэтическихъ впечатлѣніяхъ развиваетъ порою глубокія историческія и даже общественныя идеи, и вы никогда не почувствуете у него ничего дѣланнаго. Съ другой стороны, чтобы ни дѣлалъ съ своей бѣдной музою Некрасовъ — вы, если только пѣсня его родилась, а не сочинилась, можете досадовать на поэта за душный воздухъ, которымъ он заставляетъ васъ дышать, но идете за нимъ въ его міръ, переживаете его ощущенія, какъ бы личны, капризны, больны и даже ложны они ни были — переживаете горькія ощущенія «музы мести и печали».

Таже исторія повторяется съ вами относительно Полонскаго, Фета, Огарева. Вы можете на нихъ злиться за ихъ

однообразіе или причудливость или
наконецъ наивность, вы можете не хотѣть
идти за ними въ ихъ внутренній міръ, но,
попали разъ въ него — вы въ
заколдованномъ кругу, вы ѣдете

на волнѣ верхомъ
Воевать съ чародѣемъ
царемъ...

вы видите во очью странный міръ, гдѣ

Листья полны свѣтлыхъ
насъкомыхъ
Все растеть и рвется вонъ
изъ мѣры —

вы хотите, чтобы вамъ далеко было ѣхать,
чтобы васъ

Безъ устали везла, везла
карета
И не имѣлъ бы этотъ путь
конца

И лучшія я пережилъ бы
лѣта,
Смотря на очеркъ этого
лица...

Но есть и другого рода поэты — поэты чудныхъ формъ, поэты пластики, поэты вполне объективные — играютъ ли они подчасъ даже нѣсколько холодно формами, какъ живописецъ красками (Майковъ), переносятся ли они въ рѣчь созерцанія прошедшаго, какъ Мей, вы на каждомъ шагу чувствуете, что это дѣйствительныя поэтическія силы, не всегда способныя возвыситься до глубокаго содержанія, но набрасывающія свой яркій колоритъ на всякій предметъ.

И къ такимъ поэтамъ формъ тоже не принадлежалъ Хомяковъ.

Стихотворенія его, даже не слѣды глубокаго и оригинальнаго духа, а просто роскошь его, избытокъ его силы. Слѣды хомяковскаго духа — его философскія статьи, его теологическія брошюры,

наконецъ историческій трудъ имъ оставленный.

Въ приговорѣ Бѣлинскаго несправедливо одно только. Онъ видѣлъ въ стихотвореніяхъ Хомякова заказныя, дѣланныя впечатлѣнія, тогда какъ впечатлѣнія эти нисколько не дѣланныя. Впечатлѣнія эти, какъ результатъ глубокихъ самостоятельныхъ убѣжденій, были отблесками цѣльной и полной, нравственной и умственной жизни. Эта цѣльная и полная жизнь — отражалась *между прочимъ* и въ стихотвореніяхъ, почти всегда блестящихъ, звучныхъ и сильныхъ, потомучто блестящая и сильная натура не могла же въ чемъ бы то ни было выражаться дюжиннымъ образомъ тѣмъ болѣе въ своихъ поэтическихъ искрахъ.

Во всѣхъ поэтическихъ искрахъ натуры Хомякова есть и свѣтъ и огонь, но сосредоточивался свѣтъ и огонь этой высокой натуры въ другой дѣятельности...

Подтверждать дѣло выписками мы не станемъ. Выписокъ много въ различныхъ статьяхъ о покойномъ Хомяковѣ, но всѣ

онѣ доказываютъ только силу и оригинальность его натуры и нисколько не опровергаютъ эстетической сущности взгляда Бѣлинскаго.

Вообще же на двухъ этихъ дорогахъ и рановременныхъ могилахъ, пора бы намъ перестать перебрасываться вызовами и попреками. Бѣлинскій и Хомяковъ — равно достояніе нашего сознанія, равно борцы за святое и честное дѣло нашей умственной самобытности...

Этого можно было не знать и даже искренно не знать, лѣтъ шесть или даже пять назадъ, но этого нельзя уже не видѣть теперь. Исторія есть судь Божій.
